

Алекс Маркман

Только ты одна

*Часть сборника
Заблудшие души (сборник)*

Алекс Маркман
Только ты одна

«Автор»

2012

Маркман А.

Только ты одна / А. Маркман — «Автор», 2012

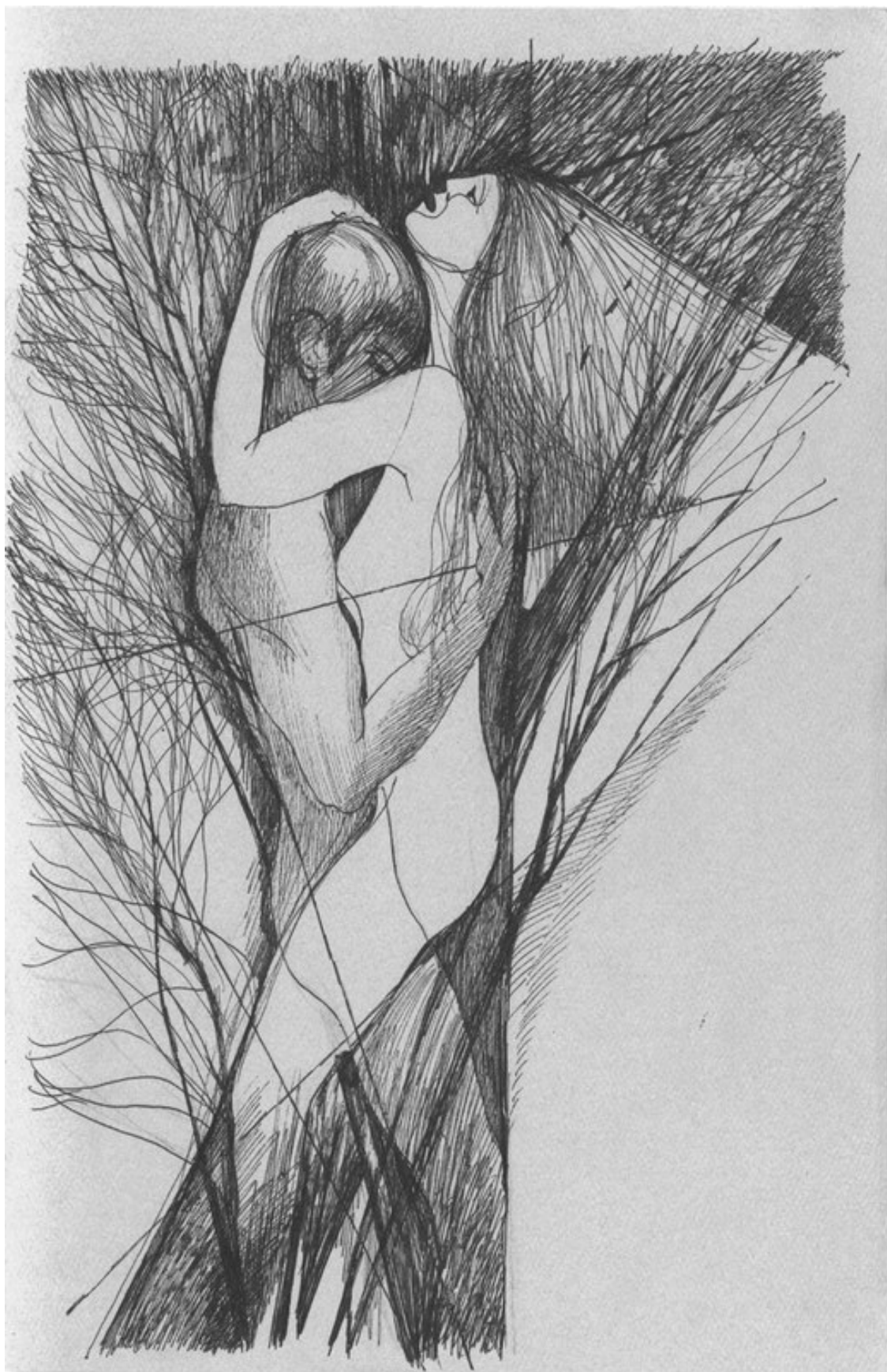
ISBN 978-1-926720-30-2

Действие в рассказе «Только ты одна» происходит при свете белых ночей Северного Урала, в заброшенном, недоступном для транспорта поселке, где разыгрывается трагедия любви на фоне произвола и беззакония, жестоких нравов и обычаев. Даже сильные люди порой делают фатальные ошибки под наплывом чувств, которые не в силах обуздать разум.

ISBN 978-1-926720-30-2

© Маркман А., 2012

© Автор, 2012

Алекс Маркман

Только ты одна

В распахнутую дверь заползал густой весенний воздух, пахнувший льдом застывших луж, талой землей, прошлогодней листвой, сосновой смолой и еще чем то, свойственным только весне далеких северных широт. У косяка внутри помещения стоял мужчина невысокого роста, с брюшком, и тревожно перебрасывал взгляд хитрых карих глаз поочередно то на одного, то на другого из тех троих, которые остались в помещении. Эти трое расположились на равном расстоянии друг от друга, и не меняли дистанцию, как шахматные фигуры, забытые на доске небрежным игроком. Однако ходы эти фигуры делали сами, и потому предпочитали лучше не двигаться, чем сделать ошибку в этой опасной игре.

– Не закрыть ли дверь, Сергей, – спросил он того, что сидел в изодранном до лохмотьев кресле. – Холодает к вечеру. – Тот, кого он назвал Сергеем, улыбнулся, глядя на его расплоснутый, как пятак у свиньи, нос, на конце которого чернело большое пятно мазута.

– Не нужно, Никодимыч, – ответил Сергей. Его тон не предполагал возражений. – Пусть проветривается от дыма. Не хочу, чтобы завтра учуяли запах. – Они собирались курить гашиш, и было бы неразумно оставлять следы и дать волю слухам в этом заброшенном, недоступном для транспорта поселке.

Сергей расположился на равном расстоянии от враждующих сторон, чтобы успеть вмешаться, если это будет необходимо. Справа от него, на верстаке, сидел, раскачивая ногами, беловолосый детина по кличке Амбал. Сейчас он был воинственно настроен, что проявлялось во всем его облике. Его белый чуб торчал, как рог у разъяренного быка, ноздри раздувались, и расстегнутый ворот рубахи открывал часть татуировки изображающей кости и череп. Амбал получил кличку за свой размер. Он был большой, атлетического сложения и огромной физической силы. Он мог свободно перенести две болванки, восемьдесят килограмм каждая, с одного места на другое, если было за что их ухватить.

– Давай, Бобер, сыграем в карты сегодня, – уже в третий раз предлагал Амбал, обращаясь к тому, что стоял слева от Сергея, возле раскаленной железной печки. Амбал проиграл ему вчера, а отдавать было нечем. Сегодня он надеялся отыграться, а это значило опять играть в долг.

– Уймись ты, уймись, – пытался Бобер уговорить Амбала. – Опять хочешь мне фуфлю засадить?

– Ты думай, что говоришь, – с угрозой предупредил его Амбал. – Недолго и схлопотать.

На лице у Бобра появилась трагическая гримаса обреченного. Так, должно быть, выглядел лорд Гамлет в начале его знаменитого монолога: «Быть или не быть». Вопрос, однако, не принимал для Бобра настолько личный характер, как для Гамлета. «Быть или не быть Амбалу?» – вот в чем был вопрос. «Убить, иль не убить?». Бобер уже сидел раз за убийство. А тут будет еще одно, и опять лагеря, а ему очень хотелось выйти наконец из заколдованного круга преступлений и отсидок. Бобер ничего не ответил, только кивнул, как будто в знак согласия. Бобер в любом споре утвердительно кивал, и постороннему могло бы показаться, что он во всем уступает и со всем соглашается. На самом же деле Бобер соглашался только со своими мыслями. – Давай, давай, Амбал, – говорил он сам с собой. – Договорись скоро, и я распорю тебе брюхо.

Амбал хорошо понимал, что означало постоянное согласие Бобра. Но он был не трус, скор на расправу, и дело могло принять крутой оборот.

Бобер достал из кармана пачку грузинского чая, бросил ее содержимое в железный ковш, налил туда полную кружку воды и стал подогревать на железной печке эту смесь.

– Тут в поселке несколько баб новых появилось, – сказал Никодимыч, пытаясь направить разговор в другое русло. Он знал, что Амбал грезит бабами день и ночь, эта было единственная тема, которая могла отвлечь его от картежной игры.

– Здесь все бабы такие страшные, как будто их из могилы выкопали, – поддержал разговор Сергей. На его породистом, властном лице появилось выражение насмешливого уныния.

– Для Амбала это не преграда, – пробурчал Бобер, внимательно наблюдая за закипающей водой в ковшике. Он хорошо умел готовить чифир, знал, что воду нельзя кипятить слишком долго, или на слишком сильном огне, или не доварить. – Амбал и лошадь может трахнуть, если хозяин за ней не углядит. Я бы не решился варить чифир, если бы Амбал сзади меня стоял.

Амбал ничуть не обиделся на его замечание.

– Надобно посмотреть на них, – сказал он более миролюбивым тоном. – Их всех паялить надо.

– Вот, закончится твой срок на поселении, приедешь в большой город, там найдешь много, – приободрил Амбала Никодимыч. Он был доволен, что обстановка немного разрядилась. Никодимыч терпеть не мог блатных разборок. Рисковал он только из-за денег, и всегда сторонился толпы. К Сергею он тянулся потому что тот умел держать всех под уздой.

Никодимыч всю жизнь специализировался на сборе металлолома. Страна нуждалась в металле, а следовательно, в его услугах, и Никодимыч неумоимо удовлетворял потребности любимой страны. Последний раз его посадили за попытку распилить и сдать в утиль паровоз. Однажды, по его рассказам, Никодимыч шел по вершине насыпи и увидел внизу завод, огороженный забором, по верху которого была протянута колючая проволока. А за забором, в тупике, стоял паровоз который, судя по ржавчине, не двигался с тех пор, как его впервые упомянули в песне «Интернационал» в куплете «Наш паровоз идет вперед, в коммуне остановка». Остановился он гораздо раньше, так и не дождавшись коммуны, и не удивительно: железные дороги давно уже перешли на дизельные двигатели. Никодимыч обожал такого рода дела. Он договорился с крановщиком, двумя сварщиками и шофером, заказал у специалистов поддельные документы и привез ничего не подозревающую бригаду на территорию завода, к месту работы. Сварщики резали паровоз автогенами на куски, крановщик грузил эти куски на машину, и шофер, в сопровождении Никодимыча, отвозил метал в утиль сырье, где Никодимыч получал деньги, делился со своим человеком в утиль сырье, и возвращался к уменьшающимся остаткам паровоза. Так продолжалось два дня, в течение которых Никодимыч поставил стране много металла. В конце второго дня его остановили на проходной. Сменилась охрана, и тот, кто открывал ворота, попросил у Никодимыча накладную. Охранник внимательно осмотрел предъявленный документ, нахмурился и попросил подождать, пока он кое-что выяснит. Никодимыч не любил ожидание и неизвестность. Он сказал шоферу, с негодованием в голосе: – Вот я им сейчас задам трепку! Негодяи! Заставляют людей терять время. Погоди-ка, я сейчас вернусь. – Он выпрыгнул из машины, вышел из проходной и скрылся, оставив неосведомленного шофера объяснять детали накладной. Никодимыча поймали в другом городе, где он пытался распилить и продать недостроенный мостовой кран. Никодимыч просил суд учесть, что он приносил большую пользу стране и вносил большой вклад в строительство коммунизма, в приход которого он свято верил. Его послали дожидаться коммунизма в лагеря строгого режима, откуда он попал на поселение, в этот затерявшийся в тайге леспромхоз.

У Никодимыча не было чрезмерной гордыни и обидчивости, присущей касте воров. Он мог снести оскорбление, если оно не выходило за определенные пределы, конечно. Но он предпочитал избегать опасности, если они не были связаны с воровством металлолома. Сегодня он остался с Сергеем по одной причине: покурить гашиш. Уж очень он это дело любил.

– Амбалу нужно было родиться в мусульманской стране и иметь там гарем, – продолжил интересную тему Сергей. – Он был бы занят все дни и ночи на пролет.

– Мне любой гарем хватит только на одну ночь, – сказал Амбал. – Я их всех до утра перетрахую по нескольку раз.

– Амбала может успокоить только цунами, – сделал вывод Сергей, как будто разговаривая сам с собой. – Ничто другое его не утихомирит. – Никто из присутствующих не знал, что такое цунами. Бобер дипломатично промолчал, а Никодимыч угодливо улыбнулся золотыми зубами и озарился разбегающимся от глаз веером глубоких морщин.

– Кто такая? – поинтересовался Амбал. – Уж не та ли новенькая медсестра, что прибыла неделю назад?

Сергей улыбнулся и хмыкнул. – Сестра, или другая, какая разница. А что это за медсестра? Я ее не видел.

– У-у-у – оживился Амбал. – Вот это бикса! Ух, че бы я сделал, если бы поймал ее в темном углу. У-у-ух, у-у-ух. – Амбал набрал воздух в легкие и сглотнул слюну.

– Че бы ты сделал? – насмешливо спросил Бобер.

– Я бы ее шворил день и ночь, без передышки, – продолжал мечтать вслух Амбал, – пока яйца не отвалятся. Сперва бы я ее ноги ей за затылок завернул, а потом... – Он стал описывать такие позы, по сравнению с которыми тысячелетняя индийская Хатха Йога могла показаться бездарной выдумкой школьного учителя физкультуры. Вряд ли на земле существовала женщина с которой можно было проделать то, что подсказывала ему его воспаленная фантазия. Для этой цели больше подошла бы тряпичная кукла, оболочка которой сделана из эластичного, не рвущегося материала.

– Чифир готов, – объявил Бобер, снимая весело кипящий ковш с печки. – Крепкий, что надо.

– Как раз для воров, – сказал Амбал, подразумевая, что он тоже относится к этой касте.

– Здесь нет воров, – презрительно сказал Бобер. – Где это ты видел, чтобы вора послали на поселение? Знаем мы, что за воры здесь ошиваются. – Бобер налил из ковша в кружку черную жидкость, отпил глоток и передал ее Никодимычу. Никодимыч осторожно отпил глоток, пытаясь не обжечь губы, и передал кружку Амбалу.

Вот, Сергей же был в законе, а здесь киснет – сказал Амбал, отхлебывая обжигающий чифир. – Верно ведь, Сергей? – Он передал ему горячую железную кружку. Сергей отхлебнул горькую жидкость и протянул чифир Бобру.

– Был, а сейчас вот просто мужик. Ты же знаешь, я больше не вор. Я объявил это еще три года назад. Завязал я с этой паскудной жизнью навсегда, и возврата нет.

– Почему же тебе до сих пор анашу подбрасывают те, что в законе? – спросил Амбал. – Просто так, что ли?

– У меня с ними дружба навек – ответил Сергей. – А с делами я завязал.

– Мы сюда всегда возвращаемся – вмешался в разговор Никодимыч. – Нет у нас других путей.

Сергей вздохнул, вытащил из кармана курительную трубку и разговоры в мастерской смолкли. Все замерли в ожидании, наблюдая за каждым его движением, как замороженные фокусами волшебника. Сергей вынимал трубку только тогда, когда у него был гашиш. Его могущественные друзья находили пути чтобы послать ему драгоценный товар на вертолете, который доставлял в леспромхоз необходимые продукты, медикаменты, махру и водку. Сергей набил трубку и взял протянутую Бобром горящую лучину. Он затаился, полузакрыв глаза от наслаждения, и передал трубку Бобру. Каждый молча передавал по кругу то трубку, то кружку с чифиром, все глубже погружаясь в наркотическую нирвану.

– Так ты будешь со мной играть сегодня, или нет? – снова начал приставать к Бобру Амбал. Сергей медленно повернул голову в сторону Амбала. Его густые, белокурые с проседью волосы растрепались, свесившись крючками на лоб и на уши. Он расстегнул рубаху, но на его груди не было татуировки, как у остальных.

– Я вас сегодня оставил, – строго сказал Сергей – чтобы вы уладили ваши распри. А ты опять начинаешь, Амбал. Не испытывай мое терпение.

Амбал, казалось, пропустил его предупреждение мимо ушей.

– Будешь ты играть, или нет? – с угрозой обратился он к Бобру. Гашиш делал свое дело.

Бобер был значительно старше Амбала. Ему было сорок пять лет, из которых больше двадцати он провел в лагерях и в тюрьмах. Ему давно надоела блатная братва, ее однообразный треп и распри. Но других людей он не встречал, и потому не мог выйти из заколдованного круга. Сейчас он очень жалел, что сел вчера играть с Амбалом. Амбалу было тридцать, он был в самой силе, и рвался в бой с каждым, кто попадался на пути, исключая, конечно, воров в законе. Этих он боялся, ибо гнев их означал неотвратимую смерть.

– Ты сначала отдай долг, а потом играй, – хмуро ответил Бобер. У него опять стало горестное выражение лица. Он понял, что сейчас от стычки не отвертеться. – Нечего фуфло засаживать, – продолжал он. – Вор, говоришь. Фуфлыжник ты, а не вор.

Гашишь с чифиром основательно ударили Амбала по мозгам, застучали в висках, в ушах и в сердце. Где то внутри него лопнули оковы, сдерживающие бешенство души.

– Я тебе башку откручу за такие слова, – прорычал он, выпрямляясь. – Счас откручу.

Губы у Бобра растянулись, как в улыбке, обнажив прогнившие, желтые зубы. Он резко сказал, как будто выплюнул: – Крыса, – и посмотрел в глаза Амбалу, не мигая, словно дожидаясь ответа. Амбал оперся рукой об верстак и приготовился к прыжку. В его голубых, красных по краям век глазам заметался, как пойманная молния, заряд жестокости и злости.

– Ты отвечаешь за свои слова? – спросил, сдерживая крик, Амбал.

– Отвечаю, – уверенно ответил Бобер и утвердительно кивнул. Он засунул правую руку за полу куртки, к поясу, где наверняка было что-то припасено: либо заточенная отвертка, либо нож. Амбал, как безумный, огляделся вокруг и схватил валявшийся рядом сапожный нож, которым в мастерской резали материал или резину. Он занес правую руку над головой, соскочил с верстака, но больше ничего сделать не успел. Сергей бросился к нему, перехватил руку с ножом и отбросил Амбала назад, на верстак. Трудно было ожидать от него такой физической силы. Сергей был высокий, но худой, без больших мышц и широких плеч. Амбал снова бросился вперед, Сергей опять схватил его за руку, Амбал рванулся и его нож распорол Сергею руку от сгиба локтя до ладони. Сергей охнул и навалился животом на верстак, зажимая рану.

– Сергей, – испуганно пробормотал Амбал – извини... Я ж не хотел. Покаж, что там. – Он бросил окровавленный нож на верстак.

– Болван, – прорычал, хрипя, Сергей. – Разорви мне рукав.

– Я поеду на тракторе, – сказал деловой Никодимыч – привезу кого-нибудь из медпункта.

– Не надо, – попытался остановить его Сергей, – я сам дойду.

– Не дойдешь. Видишь, как дороги развезло. А если там никого нет, куда ты кого искать пойдешь? Вся кровь из тебя вытечет. – Никодимыч прыгнул в кабину трактора и рванул с места, не теряя ни секунды.

– Разорви рукав, – скомандовал Сергей. Амбал послушно ухватился за край рукава и разорвал его до плеча, как бумагу.

– Теперь оторви его от плеча, – наставлял Сергей. – Разорви его на полоски и перетяни там, посредине бицепса, чтобы остановить кровь.

Амбал послушно выполнял то, что говорил Сергей. Одурь от гашиша прошла, и сейчас он заметно волновался. Сергей – это не то, что Бобер. Он мог послать, кого нужно, чтобы убить, с ним были шутки плохи.

– Теперьними свою рубаху и обмотай рану, – продолжал инструктировать Сергей. Амбал разделся до пояса и протянул Сергею рубаху. А кровь лилась и лилась, без остановки, Сергей побледнел и, казалось, стал терять силы.

– Извини меня, – не переставая бормотал Амбал. – Я же не хотел. Это случайно.

– Болван ты, – повторил Сергей. Это означало формальное прощение, и Амбал приободрился. Через две минуты трактор приехал обратно и из него выскочил Никодимыч с медсестрой.

– Мне повезло, – объявил Никодимыч довольным голосом, входя в мастерскую. – Вот, новенькая медсестра, уходить было собралась, да я ее перехватил.

Сергей быстро скользнул взглядом по лицу и фигуре медсестры, забыв про боль и кровь. Ее лицо было белое и нежное, как у жителей больших городов, видящих мало солнца. Ее темные длинные волосы, ровно подстриженные, свисали до плеч, задевая узкий и легкий меховой воротник демисезонного пальто, сужающегося в талии и подчеркивающего женственную линию бедер. Взгляд Сергея остановился на изящных сапожках на каблуках, в каких изнеженные женщины обычно ходят по чистому асфальту, а не по вязкой грязи глиняных дорог леспромхоза. В них и сто метров здесь не пройти. Ей было лет двадцать восемь, не больше, самый возраст, когда приходящий жизненный опыт еще не гонит прочь неискушенную прелесть молодости. Она скривила свои лихо очерченные, капризные губы, по деловому схватила руку Сергея и развернула рубаху, которой Амбал замотал рану.

– Ой, какой глубокий порез, – вскрикнула она. – Нужно немедленно везти вас в медпункт. Необходимо остановить кровь и обработать рану. А если задета вена... Как это произошло?

– Случайно на сапожный нож напоролся во время работы, – пояснил Сергей.

Медсестра внимательно посмотрела на угрюмого Бобра, равнодушного Никодимыча, на властное лицо Сергея. Ее взгляд остановился, наконец, на освещенном пламенем печи лице Амбала. В глазах Амбала вспыхнул жаркий, алчный огонь насильника. Она побледнела и быстро отвернулась.

– Давай, перепихнемся, – по деловому предложил Амбал медсестре свои любовные услуги, непринужденно перескочив через скучную, устаревшую процедуру ухаживаний и комплиментов. Он не терял ни секунды драгоценного времени. – А? Давай?

– Заткнись ты, – угрюмо обронил Сергей, метнув на Амбала недобрый взгляд. Амбал осекся на пол слове.

– Идите вперед, – скомандовал Сергей медсестре, и та с поспешностью послушалась, женской интуицией почувствовав спасительную главную силу. – Ты, Бобер, поезжай с нами. А ты, Амбал, оставайся и закрой мастерскую. – Бобер секунду поколебался, но Сергей повернулся к нему всем телом и сказал, понизив голос: – Ну? Просить тебя?

Бобер утвердительно кивнул головой, но на этот раз в знак согласия с Сергеем.

– Эх, засадить бы, – с надрывом пробормотал Амбал вдогонку уходящей медсестре. В его голосе звучала искренняя, застарелая тоска не реализованных фантазий. – Эх, засадить бы...

Никодимыч сел за руль, медсестра с Сергеем втиснулись на пассажирское сидение, Бобер запрыгнул на подножку и через две минуты они прибыли в медпункт. Медсестра легко, как козочка, спрыгнула с трактора, отперла дверь и пропустила Сергея вперед. Войдя внутрь она поспешно сняла пальто и бросила его на стул.

Лягте сюда, – приказала она, – На стол. Я мигом все приготовлю. Вы теряете много крови, нужно торопиться. – Сергей, однако, не торопился, и волновался гораздо меньше, чем медсестра. Он спокойно снял сапоги, на которых налипла грязь, лег на стол, покрытый белой простыней и вытянул левую руку, где был порез. Медсестра работала быстро и аккуратно, озабоченно склонившись над его рукой.

– Порез сделан очень острым предметом – заметила она, как будто разговаривая сама с собой. – Поэтому рана должна скоро зажить. Было бы хуже, если бы была рваная рана. – Она вскинула глаза на Сергея.

– Вы еще можете терпеть? У меня нет наркоза.

– Могу, – сказал Сергей. – Не обращайтесь на меня внимания. Работайте спокойно.

Сестра низко склонилась над его рукой, всецело погруженная в работу. Три верхние пуговицы на ее белой кофте расстегнулись, открывая нежную складку бюста. Сергей, как зачарованный, смотрел на белую, без единого порока, кожу, тугую округлость груди и стройную шею. Медсестра, несмотря на занятость, почувствовала его взгляд.

– Вы очень наблюдательны, – недовольно проговорила она, не отрываясь от работы.

– Как вас зовут? – поинтересовался Сергей.

– Лена. А вас как?

– Меня зовут Сергей. Я очень терпеливый к боли. Это часть моей жизни. Хотите, я вас позабавлю одним из случаев в своей жизни, пока вы работаете?

– Позабавьте, – согласилась медсестра.

– Так вот, – начал рассказывать Сергей, – когда то давно, когда я еще был студентом в университете, я крутил любовь с одной молодой женщиной из медицинского института. Она считала меня очень приличным мальчиком, она и понятия не имела, что я веду воровскую жизнь. – Медсестра вскинула на Сергея удивленный взгляд и недоверчиво улыбнулась.

– Так вот, – продолжал Сергей – я часто ее спрашивал о симптомах разных болезней, в деталях, очень подробно. Я ведь знал, что меня ждет. И однажды, уже будучи в лагере, я симулировал приступ аппендицита. Меня повезли в гражданскую больницу, ибо другой рядом не было. После операции меня поместили в палату, и приставили ко мне мента, так, на всякий случай. Мент, конечно, заснул, а я встал, скрутил две простыни в жгут, и спустился на нем со второго этажа вниз, на подоконник первого. Жаль, меня заметили, мента разбудили и он меня догнал. Согласитесь, не каждый может со свежим швом на брюхе спуститься по веревке.

– И не каждый может выдумывать такие интересные истории, – заметила Лена, не отрываясь от работы. – Так я вам и поверила, что вы сидели в лагерях.

– Вы меня извините, Лена, – сказал Сергей, резко меняя тему разговора, – мне хочется дать вам совет. Не возражаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.